

жения согласных» — сохранение дистанции между всеми тремя фонологическими рядами индоевропейских смычных — пока засвидетельствован лишь в упомянутых языках. По этой причине изменения индоевропейских смычных в «раннеиталийском» с фонологической точки зрения не являются «передвижением».

Высказанные замечания, однако, не умаляют определенной полезности этого оригинального труда, разумеется, не только для исследователя итальянских языков, особенно в отмеченном выше смысле. В качестве примера целесообразно привести несколько этимологий, демонстрирующих потенциальные возможности подхода Хааса: *pīnguis* 'толстый, жирный' паряду с греч. πάχυς 'толстый, плотный', др.-инд. *bahú-* 'плотный, густой, обильный, многий' возводится к и.-е. *bh_ngħu- (стр. 24 сл.); *uterus* 'чрево, живот, материнская утроба', др.-инд. *udāram* 'живот, брюхо', греч. ὅδερος' γαστῆρι το же (Гесиций) — к и.-е. *udero- (стр. 37); *ufer*, *uteris* 'мех, бурдюк', греч. ὄδρια 'кувшин' etc. — к и.-е. *udro- (там же). Заметим, что с тем или иным объяснением все приведенные сопоставления уже встречались в научной литературе⁹, но пока лишь гипотеза Хааса находит им единобразное обоснование.

Между прочим, этимологический материал может в какой-то мере заинтересовать и славистов, поскольку примерно из 60 этимологий, помещенных в книге, около 20 включают славянские соответствия. Не вдаваясь в подробности, укажем на некоторые раннеиталийско-славянские сопоставления: *carpinus* 'граб, *Carpinus betulus*' — русск. *граб, грабина* то же (стр. 30); *calva* 'череп' — ст.-слав. *глava* (праслав. *golva) (стр. 34); *columba* 'голубь' — слав. *golgbъ* то же (там же); *flocus* 'клошок шерсти, пушинка' — русск. *волокно* (стр. 40); *gladius* 'меч' — ст.-слав. *кладнко* 'молот' (стр. 50).

Все изложенное — фонетические закономерности, этимологии, послужившие фундаментом для выделения «раннеиталийского» слоя в латинском, — трактуются во II части, носящей название «Frühitalisches Wortgut im Lateinischen» (стр. 22—54). Две прочие части интересны, но менее существенны. I часть (*Einleitung*), состоящая из двух разделов — «Die ungriechischen indogermanischen Elemente in Griechenland» (стр. 5—12) и «Die Substratforschung auf dem Boden Italiens» (стр. 12—22), — целиком посвящена методологическим вопросам. III часть — «Anhaltspunkte für die Herkunft des frühitalischen Elements» (стр. 54—58), — несмотря на отдельные удачно поставленные проблемы, например: *Frühitaliker und Sikuler* (стр. 82—84), *Frühitalisch und Etruskisch* (стр. 85—86), имеет чисто гипотетический характер. Мысль автора, что «раннеиталийский» язык, который был якобы распространен на западных берегах Италии, прежде всего в Лигурии и Этрурии, до появления там этрусков, следует связывать с переселением в эти места носителей культуры Террамары, покончился на явно недостаточной фактической базе.

Л. А. Гиндин

А. И. Харсекин. Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности. Ставропольское книжное изд-во, 1963, 92 стр.*

Рецензируемая работа представляет собой результат многолетних изысканий А. И. Харсекина в области этрунского языка. Монография состоит из Введения (стр. 5—12), трех глав (1. Методы интерпретации

* См. *sub verbis: Walde; Ergo out — Meillet* ⁴.

* Ср. также немецкое издание (несколько видоизмененное по сравнению с русским): A. I. Charsekīn. Zur Deutung etruskischer Sprachdenkmäler. Frankfurt, 1963, 96 стр.

этруссских надписей, стр. 17—23; 2. Комплексный метод, стр. 25—34; 3. Применение комплексного метода к интерпретации памятников этруской письменности, стр. 37—64), выводов (стр. 66—75) и приложения, посвященного анализа этруссских надписей в музеях СССР (стр. 76—88).

Каждый раздел работы снабжен библиографическим комментарием (см. соответственно стр. 13—16, 24, 35—36, 65, 87—91).

Свой метод исследования автор называет комплексным, определяя его как особую разновидность комбинаторного метода, в которой данные индуктивного изучения этруссских эпиграфических памятников дополняются материалами внешних источников. Под этими дополнительными материалами автор понимает прежде всего данные этимологического анализа (стр. 26).

Автор приходит к выводу о значительной близости этруской и греческой лексики (стр. 73—74), причем, наряду с категорией заимствований, он выделяет довольно большое количество соответствий, которые, по его мнению, могут свидетельствовать о близком родстве между обоими языками (стр. 68—74). Однако детальный анализ материала показывает, что многие параллели являются мнимыми: одни этруssкие формы не обладают теми значениями, которые им приписаны, другие подвергнуты неверному членению, третьи представляют собой не этруссские, а греческие слова и т. д. Мы не будем специально останавливаться здесь на этих погрешностях, поскольку многие из них устранены самим автором в его новейших исследованиях, к тому же имеется подробная рецензия А. И. Пиффига на немецкое издание книги Харсекина¹. Заслуживают внимания следующие параллели, перечисленные Харсекином (там же): этр. *sta-* 'ставить': греч. *στα-*; этр. *eis*, *ais* 'бог': греч. *αἴσα* 'рок, судьба, воля богов'; этр. *-ce/-ye* (окончание 3-го л. ед. ч. перфекта): греч. *-ε* (аналогично); этр. *-ti/-ti* (окончание императива 2-го л. ед. ч.): греч. *-θι* (аналогично); этр. *ti* 'я, меня': греч. *-μι* (окончание 1-го л. ед. ч. васт. вр.); этр. *-n*: греч. *-ν* (окончания вин. п. ед. ч.) и др. Подобные соответствия, к которым можно подключить факты целого ряда других индоевропейских языков, могут свидетельствовать об индоевропейском происхождении этруского (эта гипотеза неоднократно выдвигалась), что и отмечает Харсекин, указывая еще на индоевропейский характер этруссских местоимений *an* 'он', *s-* 'это(т)', *t-* 'то(т)' и ряда других форм². Важно отметить, что почти все эти параллели находят соответствия в хетто-лавийских языках³, причем оказывается возможным присоединить к ним ряд

¹ A. J. Pfiffig. Ist das Etruskische mit dem Griechischen verwandt? — «Sprache» 10, 1964 (благодаря любезности автора рецензии я смог познакомиться с ней еще до ее опубликования). Пиффиг подчеркивает, что псевдопараллели типа этр. *mini-pi capi* 'из меня цей, выпивай!' (на самом деле: 'для меня чаша'): греч. *ἐμὲ πίε, κάππε*; этр. *al-ce* 'послал' (на самом деле: 'дал'): греч. *ἰαλλέχε*; этр. *m-e-nece* 'меня принес в дар' (в действительности: *men-e-ce* 'дал', от корня *men-* 'давать'): греч. *ὑένεχε* и т. д. в большом количестве имелись еще у Уго Коли (U. Coli. Saggio di lingua etrusca. Firenze, 1947), за что этот автор и был подвергнут резкой критике. Досадно, однако, что в рецензии Пиффига, в целом очень благожелательной, отсутствуют указания на конкретные положительные результаты работы Харсекина, хотя такие, несомненно, имеются.

² Заметим, что этр. *ei*, *ēsmi* не могут быть идентифицированы в качестве форм 1-го лица ед. числа глагола со значением 'быть': первая форма является местоименной (этр. *ei* 'это'; ср. вин. п. *ein*; таким образом, *ein* не является предлогом со значением 'в'), см.: A. J. Pfiffig. Ist das Etruskische mit dem Hethitischen verwandt? — «Sprache» 9, 1963, стр. 55, 67; вторая форма «возникла» в результате неправильного членения В. Георгиевым одной этрусской надписи (там же, стр. 62).

³ Имеем, в частности: хет. *[sta]*, лик. *stta-* 'ставить'; кар. **ais-um(n)a* (собств. имя); хет. *-ti* < и.-е. **-dhi* (окончание императива); хет. *-mi* 'мне,

специфических хетто-лувийских параллелей: этр. *-s*, *-l* : хет. *-s*, *-l* (окончания генитивов⁴); этр. *-sa* : лув. *-ssa*, лик. *-s* и др. (суффиксы посессивов⁵); именные суффиксы этр. *-mn-*, *-n-*, *-ns-*, *-uv-*, *-l-* : хет.-лув. *-mn-*, *-n-*, *[-n(t)s]*, *-uw(a)*, *-l(l)-* (ср. также гетероклизию нуль: *-r-* : *-n-* в этрусских и хетто-лувийских, особенно «позднехеттских», теофорных именах); этр. *-x* : лик. *-x* и др.; глагольная флексия этр. *-up/-cup/-χup* (1-е л. ед. ч. претерита) : хет. *-up/-hhuu* (аналогично)⁶ и др.⁷; суффиксы причастий: этр. *-s(a)* : хет.-лув. *-s* (ср. в этой связи четкий параллелизм между этрусскими и «позднехеттскими» именными образованиями на *-ns*); этр. *-l* : лиц. *-l*⁸.

Очень важно следующее: перечисленные выше языковые элементы относятся в основном к очень устойчивой части языкового механизма, причем флексия вообще не может быть объектом заимствования, во всяком случае в иеродстенных языках. Поэтому едва ли прав Пфиффиг, полагающий, с одной стороны, что этрусский не является индоевропейским языком, но допускающий, с другой стороны, что многие грамматические элементы этрусско-го, в частности элементы флексии (глагольной и именной) родственны соответствующим элементам в хетто-лувийских языках. На данном этапе исследования положение Харсекина об индоевропейском (мы бы уточнили: хетто-лувийском) характере этрусско-го может рассматриваться как вполне приемлемая рабочая гипотеза.

меня' (ср. также основу *-mi* притяжательного местоимения 1-го л. ед. ч. и глагольные формы на *-mi*); хет. *-n*, лиц. *-v* (аккузатив); хет. *anni* 'тот', *kā* 'этот', лик. *-te*, лиц. и кар. *-t*, *-t* (указательные энклитики).

⁴ Эти и некоторые другие формы были идентифицированы в качестве хетто-лувийских (по происхождению) еще Б. Грозным, обладавшим поразительной интуицией, однако ученые долгое время не обращали внимания ни на эти идентификации, ни на блестящие исследования Грозного по генетической принадлежности лидийского языка, выполненные еще в 1917 г. (см. об этом: R. Gusmani. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964, стр. 26; ср. также рецензию Харсекина на кн.: VI. Georgiev. Hethitisch und Etruskisch. Sofia, 1962. — Наст. сб., стр. 374, прим. 3).

⁵ Несомненная связь этих суффиксов с *-s*-флексией генитива: ср. также посессивы на *-l(l)-* в лидийском, хеттском, лувийском и ликийском языках (в карийском — *-λ*) и хеттские местоименные *-l*-генитивы; в этрусско-го от «генитивных основ» типа *c-l-* могли образовываться некоторые падежные формы. Укажем еще на совпадение форм генитивов и циннативов на *-s* в этрусско-го и хеттском (о хет. *-s*-формах см.: В. В. Шеворощкин. К истории индоевропейского генитива. — ВЯ, 1957, № 6).

⁶ A. J. Pfeiffig. — «Sprache» 9, 1963, стр. 62.

⁷ Менее показательно сопоставление флексии 3-го лица ед. числа наст. времени этр. *-a* с соответствующей флексией в других языках (ср. во всяком случае окончания типа хет. *-a/-ari*: 3-е л. ед. ч. медиопассива; кар. *-a(<*-at?)*: 3-е л. ед. ч.).

⁸ Собственно, в лидийском формы на *-l* употребляются в основном в качестве *verba finita* (ср. формы типа *дела-l* в русском). Пфиффиг, идентифицирующий отмеченную параллель, замечает, что лидийский менее близок хеттскому, чем палайский, лувийский, иероглифический лувийский и ликийский (указ. соч., стр. 63 и 68). Это, конечно, не так. На самом деле хетто-лувийские языки образуют две подгруппы, в одну из которых входят хеттский, лидийский, карийский языки, в другую — лувийский, иероглифический лувийский, ликийский, палайский и некоторые другие языки. Следует, впрочем, учесть, что в целом обе подгруппы хетто-лувийских языков весьма близки между собой. Об этрусско-лидийских языковых параллелях см. еще приложение к работе: E. Vetter. Zu den lydischen Inschriften. Wien, 1959; ср.: R. Gusmani. Указ. соч., стр. 26 и др.

Сложной является проблема этруской лексики. Лексика в целом очень подвержена заимствованию; заимствования способны изменить облик языка до неузнаваемости. Тем не менее и в лексике существует чрезвычайно устойчивый костяк (см. в этой связи работы А. Б. Долгопольского и В. М. Иллич-Свитыча), выявление которого в этруском оказывается делом крайне сложным ввиду плохой изученности этруской лексики⁹. Можно надеяться, что новые работы Харсекина и других этрускологов¹⁰ приближают нас к решению такого сложного вопроса, как определение генетической принадлежности этруского языка.

B. B. Шеворошкин

Vl. Georgiev. Hethitisch und Etruskisch. Die hethitische Herkunft der etruskischen Sprache. Sofia, 1962, 70 стр. (Académie Bulgare des Sciences. Linguistique Balkanique, V, fasc. 1)

Автор рецензируемой книги, болгарский академик В. Георгиев, известен в нашей стране своими работами в области сравнительного языкознания и исследованиями памятников древних языков Малой Азии и Средиземноморья. Этруским языком он занимается уже более четверти века. За эти годы его взгляды на природу и генетическую принадлежность этого языка претерпели некоторую эволюцию. Если в первых своих работах автор считал его одним из языков «пеласго-лувийской» ветви индоевропейской языковой семьи, подверженных фрако-фригийскому и хеттскому влиянию¹, а затем полагал, что этруский и хеттский (равно как лувийский, ликийский и другие древние эгейско-малоазиатские языки) составляют одну близко родственную группу², то в настоящей работе этруский уже рассматривается им как прямое продолжение хеттского: «Этруский язык есть диалект хеттско-лувийской языковой группы, а именно близко

⁹ Ср. некоторые параллели: этр. *zin-* 'изготавливать': хет. *zinna-* 'изготавливать' (Георгиев — Пифффиг); этр. *tupe* 'наказание' (?): хет.-лув. *tup-* 'бить'; этр. *sta-* 'ставить': хет. [sta] (ср. выше); этр. *tiv-* 'месяц': хет. *siu-* 'свет, день, бог'; этр. *tin(s)-*: кар. **sin- < *dinv-* (в имени бога **sinuri*); этр. *alpa-* 'подарок', *cvl-alp*: кар. *buvse-alp*, *ntalp*; этр. и лид. *alu-* (всюду собств. имена); этр. *tarχ-*: «позднехет.» [*t(a)rχ*] (с характерным переходом хет.-лув. *h* > «позднехет.» и этр. [k]; имеется сходство и в других фонетических процессах, а в синхронном плане — ярко выраженное сходство в структуре этруских и лидийских — а также карийских — слов).

¹⁰ Уже после выхода в свет рецензируемой книги Харсекин опубликовал блестящее исследование по этруским числительным (А. И. Харсекин. К интерпретации этруских числительных. — ВДИ, 1964, № 2). Обращает на себя внимание идентификация *taχ*, *tiu-* в качестве «четверки» (подобная точка зрения высказывалась и ранее, однако без достаточных оснований): ср. хет. *tewa*, лув. *taiaha* (и лиц. *ti-?*) 'четыре'. В 1965 г. выйдет в свет монография очень эрудированного этрусколога А. И. Пифффига: A. J. Pfiffig. Die etruskische Sprache. Versuch einer Gesamtdarstellung. Wiesbaden (O. Harrassowitz).

¹¹ Vl. Georgiev. Die sprachliche Zugehörigkeit der Etrusker. Sofia, 1943, стр. 15.

¹² В. Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. — ВЯ 1954, № 4, стр. 51.